

ПИСЬМА ЭНЕЯ ГАЗСКОГО**LETTERS BY AENEAS OF GAZA****Н.Н. Болгов, М.Ю. Лопатина**
N.N. Bolgov, M.Yu. LopatinaБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Аннотация

В работе предлагается краткий очерк, посвященный жизни и наследию Энея Газского – бывшего неоплатоника, ставшего христианским философом (2-я пол. V в.). Это был первый из ряда знаменитых лидеров Газской школы риторики, в которой обучались христиане. Корпус из 25 писем Энея Газского, написанных всецело в духе классической античной традиции, является важным источником по изучению культурного континуитета ранневизантийского времени. 16 писем, перевод которых выполнен впервые, публикуются вместе с уже известными 9-ю письмами, переведенными ранее, для показа цельной картины эпистолярия газского мыслителя.

Abstract

Authors offer a short essay on the life and heritage of Aeneas of Gaza, a former Neoplatonist who became a Christian philosopher (2nd half of the 5th century). This was the first of the famous leaders of the Gas School of Rhetoric, in which Christians were trained. The body of 25 letters by Aeneas of Gaza, written entirely in the spirit of classical ancient tradition, is an important source for studying the cultural continuity of Early Byzantine times. 16 letters, the translation of which was done for the first time, are published together with the already known 9 letters that were translated earlier. Letters to friends and acquaintances, indicating how firmly the classical tradition held in rhetorical schools and in the literary language even simple personal letters on various topics. The letters are almost exclusively personal, written in a purely classical ancient tradition (although several of them are addressed to elders) and only occasionally touch on philosophical themes.

Ключевые слова: Эней Газский, письма, философия, христианство, неоплатонизм, Газа.**Keywords:** Aeneas of Gaza, letters, philosophy, Christianity, Neoplatonism, Gaza

Время жизни Энея и, вообще, его биография известны нам лишь приблизительно. Он происходил из города Газы в Палестине и родился, вероятно, около 450 г. Учился он у неоплатоника Гиерокла в Александрии [Schibli, 2002; Aujoulat, 1986; Watts, 2008], умершего в 485 г., который ввел его в круг философских интересов; кроме того, он занимался риторикой. Впоследствии Эней вернулся в Газу и стал преподавателем риторики и, может быть, философии. Год смерти его точно неизвестен [Schalkhauser, 1898, S. 7]. Как и многие его земляки, отучившись в Александрии, Эней преподавал в знаменитой школе своего родного города [Болгова, 2009]. Эней открывает ряд знаменитых газских авторов и преподавателей школы, куда входят также Прокопий Газский и Хорикий. Учитель Энея Гиерокл был язычником, а сам Эней сначала был привержен неоплатонизму, затем стал христианином [Wacht, 1969]. Главное произведение Энея – философский трактат «Феофраст, или О бессмертии души и воскресении тел» [Sorabji, 2012]. Это сочинение, написанное в форме диалога, представляет полемику против учения о предсуществовании и переселении душ, а также излагает учение о бессмертии души и о воскресении [Champion, 2014]. Герой диалога христианин Евксифей опровергает доводы ряда греческих философов, при-

водимые его противником, язычником Феофрастом. Проследить прямое влияние христианства в тексте нелегко, так как внешних следов этого влияния немного. Ощущается в тексте и критика оригенизма [Болгов, Болгова, 2016]. Эней Газский, по своим преобладающим философским интересам, стоит близко к Немезию Эмесскому.

Кроме указанного диалога от Энея дошли 25 писем к друзьям и знакомым, свидетельствующие о том, насколько прочно держалась классическая традиция в риторических школах и в литературном языке даже простых личных писем на разные темы. Письма носят почти исключительно личный характер, написаны в чисто классической античной традиции (хотя несколько из них адресованы пресвитерам) и лишь эпизодически затрагивают философские темы. Христианская проповедь и исповедь упомянуты лишь в Ер. XV и XVI. На русский язык доселе было переведено 9 писем из 25 (2, 5, 6, 10, 13, 15, 21, 23, 24) [Эней, 1968]¹. Уверенность в социальной ценности классического образования является доминирующим тоном писем Энея: так, Эней пишет богатому имперскому чиновнику Энкратию, призывая его к поддержке преподавателей в школах (Ер. 13). Эней озабочен тем, как финансировать деятельность школы и профессоров; решение этой проблемы должно опираться на дискурс классического образования (Пайдейя). Этот дискурс является эффективным решением также и многих социальных проблем, свидетельством чему являются рекомендательные письма, просьбы об оказании помощи и от друзей и утешительные письма, и даже письмо о новом гидравлическом устройстве (где используется метафора сада Алкиноя и другие гомеровские образы) (например, Ер. 3, 5–9, 11, 17–20, 25).

Интерес к фигуре Энея не исчерпывается проблемами состава и строения текста его эпистолярия. Эти письма, хотя и короткие, и не столь многочисленные, как у других авторов той же эпохи (напр., Прокопия Газского), пестрят классическими заимствованиями и являются яркими свидетельствами характера эпохи, что ярко заметно даже у автора второго плана, как называет Энея издатель его писем Лидия Масса Позитано. Поэтому важно эти письма представить полностью, дабы процесс культурного континуитета вообще, и в Газской школе, в частности, предстал в более рельефном виде. Сочинения Энея Газского (диалог «Феофраст» как известно, на протяжении всего средневековья пользовался достойной репутацией) длительное время сохраняли авторитет. Но в дальнейшем его имя исчезло из истории мысли под влиянием категоричных мнений о том, каким должен быть христианский мыслитель. В «Феофрасте» – слишком много неоплатонизма, а в письмах Энея – слишком много классического. В одном из своих писем Эней Газский заявил, что «Академия и Ликей – с нами» (Ер. XVIII). Таким образом, Эней дает нам возможность рассмотреть процесс присвоения, адаптации и трансформации классической философии в христианской поздней античности, а также пути культурной трансформации в более общем плане. 16 писем переведены впервые (1, 3, 4, 7–9, 11, 12, 14, 16–20, 22, 25)². Астериском (*) отмечены письма, переведенные ранее М.Е. Грабарь-Пассек.

I. ИОАННУ

Если бы книга была твоей, то я хотел бы, и это было бы правильно, чтобы она давно была в моих руках: такова дружба. Если же нынешний владелец книги я, то ты все никак не отдашь (ее) мне. Нет, клянусь Зевсом, покровителем дружбы, этого не происходит не потому, что это книга; на самом деле, (это) – и все мое добро; и такое владение мне представляется самыми замечательными талантами Креза. В самом деле, есть те, кто любит лопату [это крестьяне], и те, у кого есть страсть к собакам [это охотники], иной хвалит лук. Мне же гораздо приятнее, чем лошади – книги и речи. Но именно то, что больше всего приносит своему владельцу удовольствия, это же больше всего приносит ему и боли, когда оно является его собственностью. Поэтому, верни мне книгу, я по-прежнему убежден, что ты это держишь в уме; если же нет, то мне будет казаться неважным и содержание книги, а скорее как образ того, что ты являешься ее владельцем. Но что я говорю? Конечно, то, откуда я так много раз получал радость, для меня самого не будет наказанием.

¹ Характерно, что Эней помещен в раздел «Последние язычники».

² Выполнен по изд.: [Massa Positano, 1962].

II. КАССУ*

Лаэрт в старости уже не хотел царствовать и управлять людьми, а предпочел стать садовником и заботиться о деревьях¹. Ты, мне кажется, подражаешь ему: ведь ты, покинув город и своих близких, уже столько времени сидишь в деревне и беседуешь с растениями. А следовало бы тебе вспомнить не о Лаэрте, а о Сократе и о его поучительных словах, в которых он изящно и убедительно высказывает философскую мысль, что поля и деревья ничему научить не могут, – не то, что люди в городе. Поверь же ему, проникнись презрением к полям, которые не приносят земледельцам плодов мудрости; вспомни о своих привычных занятиях, в которых можно и самому кое-чему умному научиться, и других научить, а самое главное, порадовать своих друзей.

III. ПРЕСВИТЕРУ АЛЬФИЮ

Произошло обратное: Анастасий выступает за мир, ты против войны, но, с другой стороны, то, что приличествует тебе, (еще) и красиво. Хочешь, чтобы я рассказал тебе, как произошла война? Корнилий занял ферму Анастасия за то время, пока тот был в отъезде; и, по возвращении этот владелец хотел возратить поле, но крестьянин, со своей стороны, сам хотел быть владельцем, но был не свободен, что было предусмотрено в соглашении о цене. Они согласились; (хозяин) получал договор, а Корнилий, уже приготовив деньги, был готов выложить цену за поле. Но ты, стремительно погружившись в проблему, запретил эту сделку, утверждая, что есть право собственности на землю. Отсюда (возникли) гнев и война. Так что, если ты не прав, ты начинаешь ссору еще до того, ты приходишь к нам; если это неправильно только по внешнему виду, приходи как можно скорее, чтобы дать отчет судьям. Я на самом деле не хотел бы, чтобы друзья были несправедливыми, даже если это только показалось.

IV. СОФИСТУ ЗОНЕЮ

Превосходный Епифаний у нас имеет много счастья, потому что он полон радости: на самом деле, он назвал тебя хорошим оратором, но хотел похвалить больше твой характер, что твое красноречие. Поэтому в этот важный момент ты показал нам искреннего друга; и тем, кто часто обращается ко мне, шутя, от твоего имени, ты дал наставление. И, честно говоря, даже пожелание тебе здоровья меня часто беспокоит. Но это не твоя вина. Если, на самом деле, ты прислал бы мне короткое письмо, я получил бы (его) с удовольствием, говоря и слушая несколько вещей.

V. УЛЬПИЮ*

Пусть пропадут пропадом те, кто причинил такой ущерб нашему делу! Сколь это меня огорчило, я – клянусь богами – даже сказать не могу! Однако, потом, к счастью, мне пришла на ум некая утешительная мысль, которой мне кажется уместным поделиться с вами: я подумал, что наша беда вовсе не лишена некоторой пользы, теперь вы убедитесь в том, что ни золото, ни серебро, на роскошные одежды – словом, все то, чего добивается толпа, – имущество непрочное и ненадежное, да, по правде говоря, вовсе и не принадлежит тому, кто им владеет, раз его может похитить каждый, кому захочется. А вот знания и мудрость – то, над чем люди неразумные издеваются, – это добро прочное, надежное и неотъемлемое. О нем и старайтесь заботиться больше всего, и для охраны его не понадобятся вам ни стены, ни оружие, ни сторожевые отряды.

VI. ПАМПУ ГРАММАТИКУ*

Мою радость при получении твоего письма сильно уменьшило огорчение по поводу известия о нападении грабителей: право, я скорблю об этом не меньше, чем если бы я сам был потерпевшим! Верь моему слову – ведь если у друзей все имущество общее, то и утрата его – общая беда. А впрочем, о чем я сокрушаюсь? Тот, кто не стремится к наживе,

¹ Hom. Od. I, 185-188; XVI, 139-141.

не страшится и утраты. Вот и утешение для нас. Правильна ли эта моя мысль, я хотел бы узнать от тебя.

VII. ДИОДОРУ СХОЛАСТИКУ

Прекрасный Геродот примиряет нас силой своего искусства музыки: искусства превосходного Орфея и знаменитого Фамиры. Теперь убедись, что мы встретили друг друга, как если бы мы боролись до этого в ночном бою: и настал прочный мир. И мы ставим кратер, в котором и мир будет согласован, и мы совершим возлияния среди богов – Гермесу, а среди людей – Геродоту, чтобы окончить раздор, который они учинили. Прославляя их, мы изгоняем из строения букв собственно комедию, которая бесстыдную беготню ставит на место секретов самых дорогих друзей, и мы возвысимся к тому, что защищаем всякую дружбу: убеждение, благодарность, удовольствие, аплодисменты, похвалу. Эти предметы составляют самое благородное зрелище, которое, отвергнув комедию, не вызовет зла.

VIII. ПРИНКИПСУ ЗОСИМУ

Ну, вот я и узнал, что твое плавание окончилось успешно. Ты начал (его), действительно, не для пиратства, как у древних народов, что были более сильными, но не в торговле, как и большинство людей сегодня, но ради желаний людей и любимых мест; так что ты можешь действительно сказать, что Зевс – покровитель дружбы, и ты стал другом плаваний. А теперь, после того, как море и город тебе стали благоприятны, получив любовь друзей, возвращайся к друзьям.

IX. СОФИСТУ СОПАТРУ

Превосходный Константин славит душу, но винит судьбу, так как, чтобы считаться счастливым, он должен наслаждаться только одним городом как родным. Теперь, однако, – так как он не умиловил судьбу – он «увидел город многих людей» и скитается, чтобы заработать на жизнь, будучи вынужден превозносить бедность, проповедуя искусство и поэзию, как создание не Эллады, но Италии. И, таким образом, он грохочет в тяжелом и вычурном стиле. С неправым искусством приходят сюда, но попроси меня о помощи, и я попрошу тебя. И конечно, ты тоже придешь в добрую гавань, доверившись другим.

X. СОФИСТУ ЗОСИМУ*

Если бы наш дорогой Павел был юношей и притом поэтом, то его бы, конечно, чтити: а вот теперь он – поэт, и притом старик: и то, и другое требует, чтобы о нем заботились те, кто это умеет. В числе таких людей, ты, конечно, захочешь быть и притом первым! Так вот перед тобой тот, кому ты можешь сделать добро.

XI. СЕМЬЕ КОНСУЛА МАРИНИАНА

Превосходный Понтон, который превзошел других в моей школе с усердным рвением, – и должен был весьма набраться культуры, – без сомнения, узнал приемы моего курса риторики, добавил многогранное знание законов, но еще не удовлетворен этими трудами. И действительно, в свое время, как сильный атлет, он стал участником, который поехал в Олимпию, и сейчас он очень хорошо подготовлен к состязаниям; и если ты дашь ему толчок (старт), я пророчу, что юноша будет олимпийским чемпионом! Может быть, ты блестяще организуешь игры, и установишь в качестве наград не кулачный бой и борьбу, но искусство говорить и мудрость. Приветствую светлейшего Виктора, и иллюстрия Стефана, и богато украшенного Иоанна, а также ваших домочадцев и моих друзей.

XII. СОФИСТУ ЕПИФАНИЮ

Видя только обувь своей любимой, ты, конечно, будешь связан с ней, но ты все равно попросишь портрет и (ее) души, и тела. Так и слова, явственно выражают мысли, поистине очерчивая саму душу: по этой причине, следовательно, они приходят к тебе. С другой стороны, я решил не воспроизводить изображение изображения. Но, тем не менее, ради твоей любви, я вызвал портретиста, который пребывает здесь, и посмотрел ему в ли-

цо, с неподвижным лицом, сохраняя наибольшее молчание; поставив меня позировать, он допускал, что искусство сможет приспособиться к природе. И, изваяв мой образ, рука художника закрепляет результаты в цвете: и теперь портрет рядом с тобой, так что ты можешь и говорить, и любоваться, и иметь не менее, чем те, кто вокруг меня. Превосходный Евфимий оказывает эту услугу, и поэтому охотно смотрит на море: которое, кажется, (победить) труднее, чем соперников в любви. Теперь заплучив его, давай заставим его забыть о своих муках с твоей любящей заботливостью.

XIII. ЭНКРАТИЮ*

Того, кто вчера руководил детьми, теперь водит ребенок; прославлен был он среди юношества, а теперь жалости достоин! Вот что делает судьба! Так что же? Мы будем сокрушаться о нем, а помогать ему не станем? Конечно, ты этого не захочешь. Если бы он был воином, и судьба лишила его правой руки, той, которой он совершал подвиги, то разве его соратники не дали бы ему его долю боевой добычи? Так неужели мы, которых питают науки, окажемся худшими друзьями, чем те, кто носит оружие?

XIV. ПРЕСВИТЕРУ ИОАННУ

Травы теперь мне больше нравятся, чем когда-то пирог, смешанный с медом и миндалем. Но, по сути, несправедливо обвинять мальчика, потерявшего вкус и удовольствие от меда; теперь, однако, природная кротость заставляет меня смотреть на травы как на золото. Приятен, на самом деле, и отец, который не сердится на несправедливое обвинение, но движимый доброжелательностью, призывает своего сына перейти к добродетели, и пробуждает заботу о своем учителе.

XV. ПРЕСВИТЕРУ СТЕФАНУ*

Не в первый раз я говорю с тобой, мы беседовали и раньше. Было это над Нилом, на берегах которого мы вместе весело служили музам. Речь была очень серьезной, но, в то же время, шутливой и забавной. Спор о красоте: судьями были греки, а состязались между собой Нирей¹, красивейший из земнородных, и Терсит, худший из всех, кто пришел под Трою. Очаровательней всего было то, что Терсит считал себя более красивым, и ... ему действительно была присуждена награда; и этому не помешал даже насмешливый рассказ Гомера, который описывает каждую часть тела Терсита, подчеркивая ее безобразие, и издевается даже над его волосами.² Вот как ты когда-то шутил со своими слушателями! А теперь, как я слышал, ты стал серьезным, проповедуешь в храмах прекрасное учение и своим словом упорядочиваешь нравы сограждан. Значит теперь и каменщик, и плотник умеют разговаривать о делах божественных, и беседуют в перерывах между собой о добродетели, они, которые до твоих проповедей разговаривали, как камни и чурбаны. Поэтому да здравствует наш милый Евстратий – ведь он, пройдя по многим городам, наполнил их славой твоего имени! Пусть никто великий не останется в тени! Именно он убедил меня послать вам это письмо, вдохновив меня надеждой и общением, что я получу золото взамен меди – ваше письмо в ответ на мое. Пусть же эта прекрасная надежда не обманет меня!

XVI. САРАПИОНУ

Я слышал драму, в которой ты был актером, и я мокр от слез самой земли, так как война движется только священниками, которые исповедуют профессиональных воjak о мире. И если то, откуда приходит спасение, становится нашим падением, то где выход? Эти вещи, на мой взгляд, следует назвать громкими причитаниями; вместо этого я сожалею и, в то же время, радуюсь: какая жалость, с одной стороны, испытать опасность, а с другой – испытать твердость в опасности – что является наиболее точным испытанием величия души. О какой добродетели можно сказать, что она достигнута, если ей не предшествовало тяжелое испытание? Можно ли назвать великим стратегом того, кто никогда не сталкивался с

¹ Нирей – самый красивый из ахейцев (Hom. II, II, 671–675).

² Hom. II, II, 671–675.

врагом? Но надо терпеть и не приходить в уныние; потому что война и мир взаимосвязаны; а если нет, то это будет означать, что мы славно поддержали бы войну. Хорошая служба, однако, создает друзей. В твоём присутствии я исповедовал свою любовь к риторике, будучи уверен, что найду у тебя лекарство; но произошло обратное: потому что ты увеличил любовь, а не погасил, возбуждая аплодисменты аудитории, что сделали твои письма, собранные в коллекцию. Как же ты можешь презирать то, что возвысил?

XVII. СОФИСТУ ДИОНИСИЮ

Во времена Пелея, казалось, была общая школа героев, теперь, кажется, это (общий) город твой и муз. И отцы имеют уверенность, что их дети, посещающие тебя, постигнут литературные дисциплины и станут (внешне) узнаваемыми (персонами). (Это) не удивительно: потому что древний город полон древних легенд (мифов); (имеет) много праздничных песен, и среди прочих, что Каллиопе приятны как восхищение городом, были установлены у вас, когда (она) спасалась с Геликона, и убедила сестер жить с ней. И Гермес, конечно же, не мог устоять, чтобы не сплести игры со своими сестрами. Даже Аполлон, бог-музыкант, (любит) твой город чуть-чуть больше, чем Парнас: так как кажется, что несравнима с ножами Дельф красота (тамошних) молодых людей, ни скалы Дельфийские с рошей Дафны, где даже слышит воды божество и, как говорят, отражается с мягкой музыкой. Но лучше всех – Дионис, который действительно учит божественным обрядам. Это пробуждает старое, что привлекает молодых людей; поэтому я надеюсь, что молодым будут предложены прекрасные возможности, особенно потому, что, получив первое посвящение и узнав о том, что хорошо у нас, это отчасти похоже на то, что в Афинах начиналось малыми мистериями перед великими. Приветствую, поэтому, доброжелательную молодежь, испытывая ее природу страстью, что питает (ее) сейчас, ибо здесь плавают в море и работают на многочисленных землях, хотя их тела не слишком энергичны. Она также, в благодарность за мое письмо, имеет что-то другое! Уместно, на самом деле, что оно не краснеет ни от чего, и осмеливаюсь – хотя сейчас в первый раз оно приходит к тебе – получить его, потому что с любовью держал доброе слово. Так (оно) может прийти к тебе много раз!

XVIII. СОФИСТУ ФЕОДОРУ

Являются ли Гомер и Аристид уроженцами Смирны; как участник золотых почестей мой ритор Феодор? Эта честь ходит вокруг меня тоже, и то, что красиво осуществляется детьми, действительно оценивается по отцам. Да здравствует, поэтому, элегантность твоей речи, ради которой афиняне просили молодежь выучить чистый аттический язык не у отцов, а у сирийца. Нет, больше наверняка Пирей не захочет ни обучать в Академии, ни посещать Ликей, потому что он считает, что (ныне) и Академия, и Ликей – с нами. Поэтому я получаю от тебя часть наград, которых достаточно, если я пою Ионию в благодарность за такого предка, и теперь с целью ясного изображения моей души я уже способен наметить также и свой физический облик. Одежды, которые приносят от тебя, придают моей фигуре более сияющий облик, но твоя слава делает ее еще более красивой.

XIX. ВРАЧУ ГЕССИЮ

Это твой Прокопий. Обсудим твоего сына Эльпидия, я хочу, чтобы он был жив, и чтобы с ним процветало для нас искусство медицины. В самом деле, трудно любому, кто отдает себя упорным исследованиям, держать тело здоровым. Поэтому я уже описал то, что я страдал, и ты почти стал зрителем этой боли. Что мне теперь делать? Это тяжелая и острая боль почки, и тебе, кажется, уже поздно заботиться обо мне. Сколько еще мы должны послать письма? Для больных даже один день является временем мягких лет. Или, возможно, что зло серьезно только тогда, когда больной не философ? Ты не знаешь большего искусства, или не готовы ингредиенты лекарства? Является ли это препятствием, за исключением того, что ты забыл нашу дружбу? В самом деле, лучше обвинить в незнании зла: конечно, судья злится не против тех, кто грешит по неведению, а против тех,

кто грешит по злобе. О! предательство самых близких друзей! Я по-прежнему сдерживаю болезнь, ты хранишь лекарства, а, между тем, говорят, что мы раздираемы злом.

XX. ТОМУ ЖЕ ГЕССИЮ

Превосходный Немесиан, прославленный в своей юридической науке, вызывает еще большее восхищение своим характером. Что является самым лучшим доказательством (этого)? Он знает, как завоевывать друзей и наслаждаться с ними своей судьбой, оплакивает свои незаслуженные несчастья. И я хочу, чтобы ты тоже, следуя другой философии, получил от меня даже все равно что: ведь ты заботаешься и запоминаешь всех друзей или только тех, которые рядом с тобой? Действительно, пока болезнь не распознана, лекарства по-прежнему остаются скрытыми в пределах досягаемости, и лечение ты ведешь наощупь; но диагноз болезни, который засияет как свет искусства врача, уступает обильным средствам и без каких-либо длительных результатов в определенном уходе. Болезнь, которую мы описали, если случайно ты помнишь: (ей) предшествовало длительное разъяснение, как следовать за обильной, но не лишней жидкостью, кровотечением; как отдых и диеты породили скрытую болезнь. И снова перемешивается новый приток крови, и обратно отдых и диеты; и тогда эта болезнь уже не скрытая, но приходит спазм, сначала умеренный, это нелегко, наконец, невыносимо, словно пытаются и внутренне травят, будто разрывают пуповину. А этой зимой ты должен увидеть такие вещи, которые природе не стыдно обнаружить? Скорее всего, лекарство остается бороться в одиночку с болезнью, - если ты не найдешь со своей мудростью другого, - невзрачные пилюли с травой, что врачи называют очень торжественно «фисаллида». Только они, по сути, являются средством избежать ловушек и засад болезни.

XXI. ПРЕСВИТЕРУ ДОРОФЕЮ*

Толпа, как говорится, подходит к святыням грязными ногами, как тот лысый медник у Платона, который предстал перед госпожой закоптелым и вонючим. Ты же от одной святыни переходишь к другой, от философии к священнослужению. Тот, кто передаст тебе это письмо, тоже священнослужитель, значит, тебе друг. Он возлюбил тишину и когда услышал, - не знаю где, - что есть какая-то пустынная гора, посвященная богу и подходящая для тихого уединения, отправился на поиски ее. Но препятствует ему бедность и все связанные с ней бедствия, от которых ты можешь его избавить: распорядись, чтобы священники, живущие по пути к этой горе, помогли ему.

XXII. ДИОДОРУ СХОЛАСТИКУ

Если война заставляет нас сказать много вещей друг другу, то мир, однако, включает в себя долгую тишину, и это единственная война, которая лучше, чем мир. В самом деле, что чаще используем, беседуя с друзьями и близкими? Таким образом, мы укорачиваем или мир, или тишину. Так как солнце может видеть молчащих друзей, но не ораторов!

XXIII. ЕПИФАНИЮ СОФИСТУ*

Красиво жить и писать умеет тот, кому я вручил это письмо. Он может прекрасно управлять богатым домом и хранить его для хозяина. Многие хотели иметь его спутником жизни, но он любит родину больше богатства. Много городов повидав, он, как некий Одиссей, приходит теперь к вам, как к Алкиною. И он вам расскажет о своих скитаниях, как рассказывал одиссей, а вы положите конец его странствиям и отправьте его домой, как это сделал Алкиной. Пусть не обманет его надежда найти у вас прибежище, - как я ему об этом говорил.

XXIV. МАРКИАНУ*

Ты велел быть мне твоим другом, а я начинаю с просьбы. Тот, кому я дал это письмо, пострадал от преступления. Он поехал покупать фиги и вез с собой деньги для расплаты. Но - о судьба! - даже бедности грозят опасности! Ехал он, полон надежд; но среди варваров, которые якобы были настроены дружелюбно, нашлись страшные разбойники:

они напали на него, избили, подвергли пыткам и, обнажив мечи, грозили его зарезать. Потом они отобрали у него деньги и велели еще поблагодарить их за то, что он лишился только имущества, а не жизни. Но богиня Дикэ крылата и настигла нескольких из преступников. Дело заслушал претор. Он был возмущен; он ненавидит грабителей больше, чем врагов, – и это правильно: ведь против врагов можно принять предосторожности, а эти нападают на друзей исподтишка. Поэтому претор приказал возместить убыток и вернуть все, что было отнято. Ну, так вот – претор приказал, а бедняк все еще оплакивает свою беду. Но прошу тебя положить конец их разбою и его горю. Посылаю мой привет прославленнейшему и богоугоднейшему претору.

XXV. АРХИТЕКТОРУ ЮЛИАНУ

Я считаю, что обладаю садом Алкиноя, благодаря гениальной находке, о которой мечтал, и которую ты с мастерами построил. Перехожу к описанию, так как этот вид – наименее приятный. Два самых больших круга связаны с досками и лодыжками, так что те, кто смотрит со стороны, как им представляется, видят только один: на дне, с внутренней стороны к внешней стороне проходит пол, расположенный по всей окружности; круг сопровождает пол и следует за ним, так как этого требует план. Ось, вокруг которой самый большой круг на неподвижном центре колеса, приводит в движение также еще один меньший круг, что находится на цистерне. К тому же, здесь частично размещены канаты и резервуары. Движение очень быстрое, но средняя часть малого круга образует узкое пространство, так что оно получает лишь начатки оттока. Большая часть воды, с легкостью возвращаясь в цистерну, только что вылившись, едва направляется обратно с высоты. То есть, затем, это нужно исправить. Но для того, кто нашел начало, завершение работы не сложно. Мы не позволим, чтобы такое хорошее зрелище требовало экспертизы у другого архитектора. Так не бывает, ибо что произойдет с художником, который, желая полностью изобразить красоту Елены, забудет раскрасить (ей) голову?

Список литературы References

1. Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2016. Эней Газский против неоплатоников и оригенистов. В кн.: 1917–2017: уроки столетия. Митрофановские чтения. Воронеж, ВГУ, 146–150.
1. Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2006. Enej Gazskij protiv neoplatonikov i origenistov. V kn.: 1917–2017: uroki stoletija. Mitrofanovskie chtenija. Voronezh, VGU, 146–150. (in Russian)
2. Болгова А.М. 2009. Софисты и епископы в риторической школе ранневизантийской Газы Палестинской. Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (26): 22–28.
2. Bolgova A.M. 2009. Sofisty i episkopy v ritoricheskoj shkole rannevizantijskoj Gazy Palestinskoj. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 4 (26), 22–28. (in Russian)
3. Эней софист. 1968. Письма. В кн.: Памятники византийской литературы IV–IX веков / Пер. М.Е. Грабарь-Пассек. М., Наука, 157–160.
3. Enej sofist. 1968. Pis'ma. In: Pamjatniki vizantijskoj literatury IV–IX vekov / Per. M.E. Grabar'-Passek. M., Nauka, 157–160 (in Russian)
4. Aujoulat N. 1986. Le Neo-Platonisme Alexandrin, Hierocles d'Alexandrie. Leiden, Brill, 312.
5. Champion M.W. 2014. Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza. Oxford, Oxford University Press, 222.
6. Massa Positano L. (ed.). 1962. Enea di Gaza. Epistole. Naples, Libreria scientifica editrice, 112.
7. Schalkhauser G. 1898. Aeneas von Gaza als Phiosoph. Berlin, Verlag, 184.
8. Schibli H. 2002. Hierocles of Alexandria. Oxford: Oxford University Press, 228.
9. Sorabji R. (ed.). 2012. Aeneas of Gaza, *Theophrastus*. London, Bristol Classical Press, 186.
10. Wacht M. 1969. Aeneas von Gaza als Apologet. Seine Kosmologie im Verhältnis zum Platonismus. Bonn, Peter Hanstein Verlag GMBH, 150.
11. Watts E. 2008. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 302.